

В. А. Зверев

ОБРАЗ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Опубликовано: Зверев, В. А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации российского общества: проблемы исторического изучения / В. А. Зверев // Сибирская деревня: проблемы истории : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск : Ин-т ист. СО РАН, 2004. – С. 75–84.

Уже четверть века назад, на рубеже 1970–1980-х гг., вслед за философами и социологами ряд отечественных историков поставил вопрос о необходимости научного изучения советского образа жизни, в том числе в его сельском варианте. Среди прочих причин постановки вопроса определенную роль играла потребность противопоставления «социалистического» образа жизни «буржуазному»¹. Идеино-политическая составляющая этого замысла не выдержала испытания временем, но понятие *образа жизни* как объекта исторического исследования с тех пор закрепились в сознании российских историков. Автор настоящей статьи, начиная с 1980-х гг., принимал участие в обосновании необходимости научно-исторического исследования образа жизни как цельной системы, впервые разработал концепцию изучения социального образа жизни сельского населения *досоветской* России². В порядке реализации авторской программы нами дана конкретно-историческая характеристика некоторых важных аспектов образа жизни русской деревни Сибири второй половины XIX – начала XX вв., в первую очередь – демографического и социализирующего поведения сельчан, но также хозяйственной деятельности семьи и двора, экологического поведения крестьянства и т. д.³

К сегодняшнему дню выяснилось, что наша концепция имеет расширенную, по сравнению с первоначальным замыслом, сферу применения. На ее основе проведены успешные монографические и диссертационные исследования образа жизни наиболее крупных по численности *коренных народов* Сибири (Ч. Г. Андреев)⁴, *интеллигенции* Омска (Т. А. Сабурова)⁵, губернских и областных центров Восточной Сибири (А. В. Лисичникова)⁶ второй половины XIX – начала XX вв. Таким образом, концепция обнаружила свой немалый эвристический потенциал, и можно предположить, что она еще будет востребована при изучении различных проявлений жизненной активности личности, конкретных социальных групп и общества в целом применительно к самым разным территориальным и хронологическим локусам. В то же время очевидно, что наш исходный замысел – *комплексное описание и объяснение образа жизни сибирской деревни* периода развития капитализма – до сих пор в полном объеме не реализован. В значительной степени это объясняется большой трудоемкостью замысла, в реализации которого в дальнейшем может принять участие целая группа специалистов, объединенных общим представлением об интегрирующем плане работы и сходной научной методологией, но не обязательно работающих в одном коллективе.

Задачей настоящей статьи является как раз *уточнение и развитие в новых условиях* созданной нами двадцать лет назад интегративной программы конкретно-исторического изучения образа жизни сельского населения России, выделение и обоснование тех *важнейших проблем*, которые необходимо решить специалистам в процессе выполнения этой программы, в том числе применительно к Сибирскому региону.

Наше представление о концепции и проблематике темы сложилось и развивается в контексте освоения *деятельностного, или субъективно-деятельностного подхода* в социальных и гуманитарных науках, на российской почве разрабатывавшегося философами В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном, психологом А. Н. Леонтьевым и др.⁷ Центральная идея этого

подхода применительно к истории такова: представить развитие общества как процесс и результат жизненной активности людей. Такой взгляд, разумеется, должен быть увязан с рассмотрением развития общества как закономерного естественноисторического процесса (объективно-системный подход) и с выявлением человеческого смысла истории (гуманистически-личностный, или антропологический подход).

Базовым в нашей концепции является понятие *социального образа жизни*, которое можно определить так: образ жизни есть способ или характер всех взаимосвязанных форм жизненной активности данной личности, социальной группы или общества в целом, детерминированный как собственной природой субъекта активности, так и внешними по отношению к нему условиями и факторами его жизни. (Здесь приведена наша модификация определения, сформулированного ранее философом А. П. Бутенко⁸.) Соответственно, изучить образ жизни сельского населения Сибири второй половины XIX – начала XX вв. – значит, охарактеризовать как *цельную систему* совокупность объективных и субъективных факторов его жизненной активности, структурных элементов самого процесса активности, а также наличных результатов последнего (см. таблицу).

Структура образа жизни сельского населения как объекта исследования

Условия и факторы жизни	Составные части образа жизни	Результаты (последствия) жизни
<p><i>Население как субъект жизненной активности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> * статистические и соматические характеристики, уровень физической валидности * интегрированность в социум, культурная и ментальная компетентность 	<p><i>Самовоспроизводство населения – субъекта жизненной активности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> * демографическое поведение (брачное, детородное, жизнесохранительное, миграционное) – физическое возобновление поколений * социализация новых поколений (воспитание и обучение), социальная, культурная и ментальная стабилизация/мобилизация – 	<p><i>Стабилизированное или видоизмененное население:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> * статистические и соматические характеристики, уровень физической валидности * социальные, культурные и ментальные свойства

* психологическая настроенность	социокультурное воспроизводство населения * общение – воспроизводство психологических установок	* психологические характеристики
<i>Объекты и ресурсы жизненной активности населения:</i> * природно-географические (геологические, ландшафтные, климатические, почвенные и др.) * социальные (экономические, политико-правовые, демографические, культурологические и др.) * информационные	<i>Воспроизводство объективных условий жизни населения:</i> * хозяйственная деятельность (земледелие, животноводство, добывающие и обрабатывающие промыслы, ямщина, торговля) * общественная активность (самоуправление, участие в социальных и межэтнических коммуникациях и др.) * познавательная активность (создание, хранение, преобразование и трансляция информации)	<i>Сохраненные или преобразованные внешние условия жизни населения:</i> * природно-географические (ландшафтные, почвенные, биологические и др.) * социальные (экономические, политические, демографические, культурологические и др.) * информационные

Ведя определенный образ жизни, люди воспроизводят, то есть формируют, сохраняют, видоизменяют, либо вовсе заменяют в ходе смены поколений или смены местожительства как объективные условия своей жизни, так и самое себя – свой демографический состав, свои физические, социальные, культурные, психоментальные характеристики. Поэтому в качестве основных составных частей образа жизни населения мы выделяем следующие поведенческие сферы:

1) *самовоспроизводство населения* как субъекта жизненной активности, которое включает физическое и социокультурное воспроизводство, а также возобновление психологических установок, и осуществляется в процессе демографического и социализирующего поведения, социальной, культурной, ментальной стабилизации (или мобилизации) и общения людей;

2) *воспроизводство объективных условий жизни населения* – объектов и ресурсов его жизненной активности (природно-географических, социальных, культурных и информационных), которое осуществляется в ходе хозяйственной деятельности, общественной и познавательной активности.

Уже имеющиеся в историографии деревни России работы, характеризующие отдельные формы жизненной активности крестьянства в доколхозный период, показывают, что образ жизни этого класса-сословия был весьма многогранным. Будет справедливо говорить о его «полноте» в том смысле, что в нем были реально представлены и в достаточной степени сбалансированы почти все теоретически мыслимые формы жизненной активности. Думается, что это одно (и далеко не единственное) из тех позитивных качеств традиционного образа жизни, которые в условиях последующей реорганизации жизненного уклада были в значительной степени утрачены, и теперь нуждаются в восстановлении на качественно иной основе. Поэтому задача исследователей образа жизни крестьянства, как, впрочем, и сельского населения в целом, заключается не столько в том, чтобы характеризовать отдельные сферы жизненной активности, вычленив их в ходе анализа, сколько в раскрытии способов координации и субординации, интеграции этих поведенческих сфер в рамках цельного комплекса образа жизни.

Наиболее полное, подробное выделение поведенческих сфер для специального рассмотрения зависит от того, изучаем ли мы сельское население как *относительно цельную* социальную группу, отличную от населения городского, или нас интересует образ жизни *конкретных категорий* деревенских жителей. В сибирской деревне изучаемого периода расселялись русское и иноэтничное крестьянство, казачество, ссыльнопоселенцы, сельская интеллигенция, формирующиеся сельская буржуазия и сельский пролетариат, которые различным образом структурировали и интегрировали элементы своего образа жизни. Необходимо исследовать как *общие черты*, так и *особенности* конфигурации сфер жизненной активности также у субэтнических групп (таких, как чалдоны, «хохлы», семейские Забайкалья), субсословных (сибирские старожилы, приписанные и неприписные переселенцы, отставные солдаты), гендерных (мужчины и женщины), возрастных (дети, молодежь,

трудоспособные «бойцы» и старики), региональных (обитающие в разных природно-климатических и историко-экономических зонах, пригородные, притрактовые или «забочные» жители), конфессиональных (старообрядцы различных толков) и иных больших категорий сельского населения. В контексте становления новых направлений исторического исследования – «микроистории» и «истории повседневности» – закономерно также усиление интереса к структуре и прочим характеристикам образа жизни малых контактных сообществ: семьи, фамильного клана, поземельной и религиозной общины (прихода), подростковой и молодежной «рощи», деревенского кооператива, промысловой артели, сельского и волостного общества, поселенческого «гнезда» и др.

Описание той или иной сферы образа жизни каждого из таких коллективных субъектов, или акторов может строиться по *следующему примерному плану*:

- 1) внешние условия и факторы данной сферы образа жизни, каналы и способы их мобилизующего влияния на субъекта;
- 2) актуальные субъективные характеристики (культурные, ментальные, психологические) коллективного актора или конкретных индивидуальных агентов жизненной активности;
- 3) оформление и содержание культурных программ соответствующего поведения: объективные и субъективные цели и смыслы активности, идеальное (предполагаемое) распределение ролей среди участников, мобилизованные средства достижения целей и т. д.;
- 4) общественная форма и технологическое содержание изучаемого поведения, его реальная поэтапная организация во времени и пространстве;
- 5) соотношение типических характеристик и индивидуальных, групповых, локальных вариаций активности (стилей жизни), наличие поведения, отклоняющегося от принятых норм (девиантного), способы его профилактики и корректировки;

б) реальные результаты, или последствия жизненной активности в изучаемой сфере и их значение для воспроизводства субъекта и условий его жизни;

7) направления, этапы и степень продуктивности исторической эволюции всех аспектов изучаемого поведенческого комплекса во второй половине XIX – начале XX вв.

Теоретическое осмысление наблюдаемых исторических феноменов может быть организовано с помощью комбинации двух подходов: путем *понимания изнутри*, с точки зрения изучаемого субъекта (например, в логике сибирских вариантов русской традиционной культуры, если речь идет об образе жизни крестьянства), и путем *объяснения, через сравнение* с образом жизни других субъектов в изучаемый период или с образом жизни и культурой современного, модернизированного общества. Указанные два подхода аналогичны разработанным в этнологии и этнопсихологии *etic-* и *etic-* подходам⁹.

В качестве методологической основы для разработки нашей темы может быть избрана *теория модернизации традиционного общества*, уже прочно вошедшая в методологический арсенал отечественных специалистов, изучающих историю России (А. С. Ахиезер, А. Г. Вишневский, Б. Н. Миронов и др.). Эта теория трактует важнейшие процессы и события мировой истории XVII–XX вв. как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, знаменующих переход от традиционного (аграрного) к современному (индустриальному) обществу. В интересах изучения проблем истории Сибири, конкретно – истории сибирской деревни – первым начал применять эту теорию в 1980-х гг. автор настоящей статьи¹⁰. Недавно прошедшая Всероссийская научная конференция «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.» показала плодотворность применения теории модернизации при изучении широкого круга вопросов истории нашего края¹¹.

Наиболее значимы для нас следующие положения теории модернизации:

1) о модернизации как прогрессивном, необратимом, системном процессе фундаментальных изменений во всех областях человеческой ментальности, культуры и поведения; 2) о длительном, стадиальном, вариативном и болезненном для людей характере процесса модернизации, обусловленном как объективными, так и субъективными ограничителями¹²; 3) о начале реального движения к modernity в российской деревне во второй половине XIX – начале XX вв. – в конце протоиндустриального и на раннеиндустриальном этапах российской модернизации.

Используя теорию модернизации для решения обозначенных нами задач, следовало бы, *во-первых*, выяснить и подробно охарактеризовать внешние и внутренние по отношению к сибирской деревне, субъективные и объективные условия и факторы, обусловившие начало ее движения к «современности». В частности, нуждаются в глубокой характеристике каналы, формы и содержание влияния городской культуры, роль государственной администрации, различных отрядов сельской интеллигенции, политических ссыльных, крестьян-отходников на менталитет, культуру и поведение крестьянства. *Во-вторых*, требуются конкретно-историческое описание и объяснение проявлений модернизации и в механизмах организации всего комплекса образа жизни, и во всех его конкретных сферах. Ориентиром здесь в некоторой степени могут служить труды историка Б. Н. Миронова, давшего (главным образом по материалам Европейской России) глубокую характеристику начальных проявлений модернизации в демографическом поведении крестьянства, в организации семейной жизни, в отношении деревенских жителей к власти и т. д.¹³ Ряд наших сибиреведческих работ посвящен ранним формам модернизированного поведения крестьян в области воспроизводства крестьянских поколений, хозяйственной деятельности и познавательной активности (вступление все большего числа сельчан в брак не по произволу родителей, а по любви и в оптимальном возрасте, обращение за необходимой

помощью к медицинским работникам, стремление дать детям школьное образование, у грамотных – расширить круг чтения, приобщиться к достижениям научной агрономии и агротехники и т. д.)¹⁴. В-третьих, очень важно представить и понять причины, механизмы и наличные последствия мощного проявления в российской деревне социокультурной инверсии – процесса регенерации традиционных ценностей и форм поведения, сопротивления модернизационным процессам со стороны значительных масс крестьянства по принципу: «Наши отцы, деды и прадеды делали все так же, как мы делаем, и изжили века еще лучше нас... Что же мы будем выдумывать и грешить?»¹⁵.

В силу специфики исторического исследования, в его программу обязательно должна входить периодизация изучаемого процесса, и поэтому в поле нашего зрения должны постоянно оставаться особенности *генезиса, начального этапа* модернизации образа жизни сибирской деревни, протекавшего, предположительно, в период от 1880-х или 1890-х гг. до конца 1920-х гг. – от времени распространения на Сибирь реформаторских процессов, ранее охвативших в основном Европейскую Россию, до сплошной коллективизации сельского хозяйства и массового «раскрестьянивания». Одной из этих особенностей, как нам представляется, являлось сочетание прогрессивных модернизационных (реорганизационных по своей сути) изменений с негативными проявлениями дезорганизации, дезинтеграции в поведении многих сельчан. Мы предлагаем различать две совершенно различные с точки зрения исторической перспективы *разновидности девиантного (отклоняющегося от традиционных моральных и правовых норм) поведения* деревенских жителей (в основном молодежи) в изучаемый период:

- 1) *просоциальное* поведение – не соответствовавшее традициям, но не нарушавшее права и интересы других членов общества, объективно способствовавшее социальному, культурному и ментальному прогрессу путем замены устаревших программ поведения инновационными,

соответствовавшими потребностям нового времени (например, крестьянин Енисейской губернии Ф. Ф. Девятов рационально организовал земледельческое и животноводческое хозяйство на основе передовой технологии, сотрудничал с прессой, участвовал в деятельности просветительных и научных обществ¹⁶);

2) *антисоциальное* поведение – аморальное, делинквентное и криминальное, противоречившее интересам конкретных людей, социальных групп и общества в целом, являвшееся симптомом дезорганизации и деградации морали и общественных структур. Проявлениями такого поведения являлись конокрадство, массовое пьянство и хулиганство молодежи, распространение внебрачных связей и др.

В связи с упоминанием фамилии Ф. Ф. Девятова хотелось бы особо подчеркнуть, что для понимания «человеческого измерения» истории в контексте нашей темы актуальны исследования образа жизни конкретных представителей деревенской среды. В изучаемое время это могли быть сугубо типические личности, неуклонно следовавшие традиционным образцам и освящавшие эти образцы своим авторитетом, или, наоборот, люди, уже явно «*выламывавшиеся*» из *традиционной среды* стремлением жить (трудиться на земле, «вести» семью, строить отношения с властью, обучать детей, проводить досуг) «по-новому» – в соответствии с требованиями современности. Вместе с людьми, все чаще прибывавшими в селения Сибири извне – из крупных городов, из более развитых в экономическом и культурном отношении местностей Европейской России (сельские интеллигенты, политические ссыльные, переселенцы-предприниматели) – такие местные «новаторы» и начали сдвигать сибирскую деревню с ее вековых ментальных, культурных, поведенческих устоев.

---

¹ См.: Бутенко А. П. Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы // Вопросы философии. – 1978. – № 11. – С. 37–50; Касьяненко В. И. Советский образ жизни: проблемы исследования. – М., 1982; Симуш П. И. Некоторые проблемы изучения образа жизни советской деревни // История СССР. – 1983. – С. 3–19 и др.

² См.: Зверев В. А. Итоги и задачи изучения образа жизни русского крестьянства Сибири эпохи капитализма // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма:

историография проблемы. – Новосибирск, 1988. – С. 150–170; *Он же*. Методологические проблемы изучения образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Методологические проблемы изучения истории Сибири. – Новосибирск, 1988. – С. 110–119; *Он же*. О начальном этапе модернизации и дезорганизации образа жизни восточнославянского населения Сибири // *Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур*. – Новосибирск, 1995. – Т. 2. – С. 117–120; и др.

³ См.: *Зверев В. А.* Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // *Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX вв.)*. – Новосибирск, 1985. – С. 94–104; *Он же*. Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // *Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв.* – Новосибирск, 1986. – С. 70–91; *Он же*. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма. – Новосибирск, 1991; *Он же*. Семейный демографический календарь: Годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Семья в ракурсе социального знания*. – Барнаул, 2001. – С. 127–145; и др.

⁴ См.: *Андреев Ч. Г.* Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: модернизация и традиционный образ жизни. – Улан-Удэ, 2001; *Он же*. Образ жизни коренных народов Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) во второй половине XIX – начале XX вв.: историческое исследование: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Иркут. ун-т. – Иркутск, 2002; и др.

⁵ См.: *Сабурова Т. А.* Интеллигенция Омска на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Омск. пед. ун-т. – Омск, 1995; и др.

⁶ См.: *Лисичникова А. В.* Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иркут. ун-т. – Иркутск, 2000; и др.

⁷ См.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). – М., 1981; *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: Школа А. Н. Леонтьева*. – М., 1999; и др.

⁸ *Бутенко А. П.* Образ жизни... – С. 41.

⁹ См.: *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М., 1999. – С. 38–42.

¹⁰ См.: *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). – Новосибирск, 1988. – С. 83–85; *Он же*. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск, 1993. – С. 239–242; и др.

¹¹ *Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.*: Сб. мат-лов конф. – Новосибирск, 2003.

¹² См.: *Алексеев В. В., Побережников И. В.* Модернизационная перспектива: проблемы и подходы // *Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв.* – М., 2000. – С. 28–31.

¹³ См.: *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – СПб., 1999. – Т. 1–2; и др.

¹⁴ См.: *Зверев В. А.* Взаимовлияние хозяйственной жизни крестьян и городской культуры Сибири в пореформенный период // *Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи*. – Новосибирск, 1988. – С. 74–94; *Зверева К. Е., Зверев В. А.* Круг чтения крестьянства Сибири в период капитализма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) // *Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX вв.)*. – Новосибирск, 1990. – С. 78–96; *Они же*. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861–1917 гг.) // *Культурный потенциал Сибири в досоветский период*. – Новосибирск, 1992. – С. 85–104; *Зверев В. А.* Дети – отцам замена; и др.

¹⁵ Несколько слов об экономическом положении восточносибирских земледельцев // *Сибирь*. – 1882. – 22 августа.

---

¹⁶ См.: *Мешалкин П. Н.* О хлебе минусинском // *Енисей*. – 1984. – № 5. – С. 55–56; *Зверев В. А.* Федор Девятов, крестьянин-предприниматель и общественный деятель пореформенного периода // *Предпринимательство в Сибири*. – Барнаул, 1994. – С. 69–74.